

«ЭКСЦЕНТРИК» ЕРОФЕЕВ («ПРОЗА ДЛЯ ЖУРНАЛА “ВЕЧЕ”»)

В статье проделан анализ системы идей и мотивов эссе Венедикта Ерофеева — «Василий Розанов глазами эксцентрика» («Проза для журнала “Вече”»), в основе которого лежат поиски автором и героем центра («сердцевины») в мире, отвергнутом Богом.

Ключевые слова: Венедикт Ерофеев, Василий Розанов, эссе, метафизика, сюжетно-смысловая структура.

Так сложилось, что эссе «Василий Розанов глазами эксцентрика» стало одним из очень немногих (если не единственным) произведений В. Ерофеева, написанных в 1970-е годы (датировано июнем 1973 г.). Таким образом, если не брать в расчет записные книжки писателя, являющиеся, безусловно, ценным свидетельством творческого развития автора «Москвы—Петушков», но в силу их жанровой специфики не вмещающие в себя и не отражающие целостной системы миропредставления, придется признать, что для понимания образа мира и стиля художественного мышления Ерофеева это эссе имеет исключительное значение, приближающееся к значению поэмы «Москва — Петушки».

Сюжет исследовательских работ, посвященных этому эссе В. Ерофеева, был, в основном, определен самим его автором, вынесшим в название эссе имя Василия Розанова. Нет поэтому ничего удивительного в том, что обращавшиеся к этому сочинению В. Ерофеева стремились, прежде всего, осмыслить, в чем состоит близость позиций В. Ерофеева и В. Розанова, как это сделал, например, Е. Курганов, определивший ерофеевское эссе как «своего рода признание в любви к Розанову, выраженное достаточно необычно, но вполне по-розановски: пусть это мерзкий, противный старикашка, но я без него не могу, ибо все 36 его сочинений вонзились мне в душу. И это была не бравада, а высший предел откровенности» [2]. Из других работ, посвященных этому эссе, выделим также статью В.Г. Моисеевой, в которой предпринята попытка проанализировать соотношение позиций автора и героя «Василия Розанова глазами эксцентрика» [3].

Понимание того, что роднит В. Ерофеева с «ретроградом» В. Розановым, является, безусловно, важным для понимания идейной сферы и поэтики эссе. Но в эссе заявлены и развиты и другие крайне значимые идеи, мотивы и переклички с культурным контекстом, который явно шире розановского, и они тоже должны быть выявлены и проанализированы. На одном из таких смыслообразующих мотивов «Василия Розанова глазами эксцентрика» мы и остановимся в этой работе, посвященной поискам центра («середины», «сердцевины»), лежащим в основе всего, что делает и говорит герой этого эссе, и всего того, что думает его автор.

Но прежде чем обратиться к анализу этого мотива, скажем несколько слов о том, что собою представляет эссе В. Ерофеева в плане развития фабулы.

Эссе состоит из девяти частей, следующих друг за другом примерно в таком порядке: части с первой по третью включительно изображают поиски героя до встречи с Розановым (в частности, это дорога «из дома» в сторону Гагаринской площади, неудачная попытка самоубийства, после которой герой оказывается у фармацевта Павлика, «книжника» и «домоседа», который впервые заговорил о Розанове и дал герою три тома его сочинений), в четвертой-седьмой главах изображается сама эта встреча, представляющая собой достаточно динамично развивающийся сюжет — от «присматриваний»

* © Перепёлкин М.А., 2016

Перепёлкин Михаил Анатольевич (mperpelkin@mail.ru), кафедра русской и зарубежной литературы и связей с общественностью, Самарский университет, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

героя к мыслям Розанова до бурных дискуссий и взаимных нежных признаний героя и Розанова, и, наконец, происходящее с героем (а точнее — происходящее в его сознании) после того, как его собеседник «исчез, как утренний туман».

Сюжет интересующих нас поисков «сердцевины» охватывает весь текст «Василия Розанова...» и в целом соотносится с намеченной выше трехчастной структурой сюжетно-смысловой концепции эссе.

В первой главе мир вокруг героя «погружен во тьму и отвергнут Богом». Он состоит из бесконечного числа повторов, исключающих любую возможность единичности, неповторяемости. Копийность всего и вся в этом мире носит тотальный характер и включает в себя все, из чего состоит мир, изображаемый в первой главе. Это касается, например, «дождя», который «моросил отовсюду», а, может, ниоткуда не моросил». Пистолетам, которые один за другим оказываются за одной и той же (?) «пазухой», в общем, далеко до этого дождя, моросившего «отовсюду» и «ниоткуда», поскольку в случае с этими пистолетами дело касается исключительно героя, а когда речь идет о дожде, она идет о мире в целом. И в этом мире, взятом в целом, «отовсюду» и «ниоткуда» оказываются тождественными явлениями, даже не разными сторонами одного и того же, а просто — одним и тем же.

Чудовищная симметрия, овладевшая э т и м миром, в котором находится герой, проникает далее в самого героя, у которого теперь не только одинаковым образом (симметрично?) размещены спрятанные им «первый» и «второй» пистолеты, но и «щемило слева от сердца, справа от сердца — тоже щемило», слезы текли у него «и спереди, и сзади», а он сам был в одно и то же время «смешон и горек».

Мир безвыходно симметричен, душа — «пронзена навывлет»: ни в ней, ни в нем нет ничего, что обладало бы цельностью, завершенностью и неотменяемой единичностью смысла. В таком мире не за что ухватиться и не к чему прибегнуть как к абсолютной подлинности. Более того, в мире, оставшемся без Бога и тем самым лишенном того, что обеспечивало бы этому миру присутствие единичного и подлинного хотя бы как отсутствующую величину, присутствие п е р с п е к т и в ы п о д л и н н о с т и, даже сам разговор об абсолютном невольно обретает пародийный характер.

Во второй главе тьма отвергнутого Богом мира сгущается еще больше. Теперь это не просто механическое повторение любого явления, предмета или действия, а смешение всего со всем, «клубящаяся мгла», в которой невозможно ничего разобрать и ни на чем нельзя остановиться.

Самому мотиву смешения в данной главе принадлежит одна из ключевых ролей, о чем свидетельствует многократное акцентирование этого мотива как в характеристике, которую дает один герой другому, так и в разных фрагментах диалога двух героев.

В этом мире все так зыбко и относительно, что «смешиваются» Аристотель и Аверинцев («Не помню кто, не то Аверинцев, не то Аристотель сказал...»), «лучший из комсомольцев, Николай Островский» и Шопенгауэр, высказывания которых следуют одно за другими, безо всякого ранжирования или хотя бы видимости иерархии. Неопределенность и смутность проникают в суждения и оценки героя, касаются всех его поступков и реакций.

Апогея густоты и плотности эта мгла достигает в следующей, третьей главе. Данная глава представляет собой развернутый диалог героя с Павликом, происходящий «в дверях», пока прощающийся с Павликом герой «сжимал под мышкою три тома Василия Розанова и вбивал бумажную пробку в бутылку с цикутой».

Диалог между героями носит абсурдно-трагедийный характер: в мире, где все смешалось, все ценности превратились в антиценности и наоборот, здесь ничто не должно пониматься буквально, во всем подобает видеть обратный смысл и другую сторону. На этом языке «обратного смысла» и разговаривают герои, прощаясь на пороге квартиры Павлика. В этом разговоре герои подбрасывают друг другу идеологические штампы, которые подменили собой истины и ценности, нигде не обнаруживая, что они с ними согласны или ставят их под сомнение. Напротив, нагромождение штампов как будто бы свидетельствует о том, что истина именно такова, как следует из обмена реплик между героями и Павликом.

Таким образом, если в двух предыдущих главах постепенно сгущающаяся тьма отвергнутого Богом мира настораживала, потом — ужасала и казалась безвыходной, то теперь она вроде бы стала тотальной, но вместе с тем локализовалась настолько, что с ней стало возможно играть. А это, в свою очередь, уже ставит под сомнение ее тотальность, которая пока не разрушается, но принципиальная возможность такого разрушения уже есть. И появляется она, заметим, еще в завершение второй главы вместе с первым произнесением имени Розанова.

Четвертая глава — начало диалога с Розановым, по мере развития которого хаос окружающего героя мира и хаос его собственного мировосприятия постепенно упорядочивается, «тьма» развевается, и из «фекальных вод» и «водоворота из помоев» проглядывают контуры новой гармонии. Процесс становления этой гармонии — длительный и напряженный, а начинается он еще одной констатацией того факта, что мир, в котором человек живет, и сама жизнь человека в этом мире — бесцельны, неструктурированы, представляют собой ничем не упорядоченную цепь случайностей, которые герой пытается хоть как-то иерархизировать, но сделать это ему не вполне удастся. В мире, погруженном во тьму, в которой все смешано и неотличимо друг от друга, принять решение о том, что сделать «сначала», весьма непросто, а когда такое решение все-таки принимается, оно так и остается немотивированным и, по существу, случайным.

Со «случайного» места начинает герой и чтение Розанова («я развернул наугад и начал читать с середины»), правда, здесь он впервые попытался мотивировать свой интерес к «середине» тем, что «так всегда начинают, если имеют в руках чтиво высокой пробы». Дело в том, что существующий порядок не устраивает героя, который видит в нем «водоворот из помоев» и «сокрушение сердца» — и только. Он ищет другой порядок и другое начало, и н у ю середину, не имеющую ничего общего с горизонталью этого миропорядка. «Середина», искомая героем В. Ерофеева, находится между отвергнутым миром и отвергнувшим его Богом, между сотворенным и Творцом; это — середина вертикали, соединяющей небо и землю. Мир без этой середины кажется герою «погруженным во тьму», и, не зная, как найти ее, герой находит ее «наугад», избегая чтения книги от первой страницы к последней.

Все дальнейшие, так же выхваченные «наугад», розановские размышления служат тому, чтобы утвердить преимущество этой новой, вертикальной системы ценностей над горизонтальной. То, что с точки зрения «горизонталей» — не более, чем «галиматья», в системе ценностей, утверждаемой Розановым, полно значения и смысла, надо заметить, далеко не сразу становящихся очевидными для читателя розановских сочинений.

Розановская ревизия оказывается выходом из тотального смешения всего со всем, о котором мы говорили выше. Эта ревизия, которую герой В. Ерофеева проделывает вместе с Розановым, позволяет им обоим расставить все точки над «и», определиться с предпочтениями и, главным образом, с тем, что они оба считают «унылой дичью».

Следующая, пятая глава посвящена практическому закреплению сформулированных выше теоретических тезисов, проснувшийся «раньше их всех» Розанов манерой своего поведения, своими поступками утверждает сказанное выше в виде умозрительных постулатов.

Поступки Розанова неожиданны, парадоксальны, лишены логики и не поддаются пониманию с точки зрения так называемого здравого смысла. Но самый «безумный» изо всех поступков Розанова — это эпизод с монетами, рассекающий пополам причинно-следственные связи и логику э т о г о мира — мира горизонтальных, само собою разумеющихся отношений между людьми, предметами и т. д. В обдувании старых монет отсутствует здравый смысл, но та системность, которую задает сам процесс перебирания монет, и глубочайшая убежденность того, кто эти монеты перебирает, в том, что это занятие «интересно», открывает собеседнику Розанова, что поступками «безумного нумизмата» руководит и н о й смысл.

Прикоснувшись к розановскому иному, герой начинает упорядочивать мир вокруг себя и выстраивает новые взаимоотношения с миром. Этому посвящена седьмая глава,

в которой герой до этого, как мы помним, живший в мире, где все «смешано» и страдавший от этой «смешанности», впервые совершает попытку определенным образом упорядочить хаос смешения. Для этого он осуществляет деление мира на «мы» и «они».

Бинарная оппозиция («мы—они»), которую выстраивает герой, проста, даже примитивна и имеет пока не слишком большое отношение к тому, что составляет существо розановского «учения» и поступков. Именно поэтому Розанов предпринимает попытку заставить героя «перестать говорить околесицу».

Слабость этой оппозиции состоит в том, что, вызванная к жизни смыслом другого порядка, сама она целиком принадлежит этому, горизонтальному миру, организует его структуру и отношения между составляющими его элементами. Герою данная оппозиция необходима, чтобы, разобравшись в этом мире, начать свое восхождение к т о м у. Розанова же тревожит, что из всего сказанного и сделанного его собеседник сумеет извлечь только самый минимум смысла и ограничиться упорядочением своих взаимоотношений с э т и м миром.

Тот и этот мир не исключают друг друга и не могут существовать один без другого, и место человека — не в том (духовном) или в этом (бренном), а там, где два этих мира пересекаются, скрещиваются. Таков вывод Розанова, который он делает из всего сказанного и услышанного.

«Путь к почитанию Креста, по существу, только начинается», — говорит Розанов незадолго до своего исчезновения. Про какой Крест он говорит? Очевидно, что дело не в абстрактном символе, а в том, что имеет прямое и непосредственное отношение ко всему, что до сих пор было сказано и сделано им самим либо в отношении него.

Крест — и есть символ взаимодействия того и этого миров, вертикали духа и горизонтали плоти, символ соединения сотворенной природы и творящего духа. Почитание же этого символа, в конечном счете, и делает человека человеком.

С чем остается герой после исчезновения Розанова? Идет ли он дальше выстраивания той банальной оппозиции, с которой начинается его пересмотр взаимоотношений с миром, или этой оппозицией все и завершается? Полагаем, что идет, и именно это позволяет ему на предлагаемый вопрос, чувствует ли он, как его «поганая душа понемногу теитезируется», ответить положительно («Чувствую. Теитезируется»).

Необходимость в оппозициях отныне тоже отпала, так как герой понял главное, и отстаивать это главное он будет в восьмой главе. Данная глава представляет собой синтез противоположностей, который осуществляет герой, обладающий теперь новым опытом мировосприятия. Если ранее Розанов и система его оценок позволяли герою выстроить систему оппозиций, то есть разделить мир, то теперь при помощи Розанова же герой скрепляет рассыпавшиеся части целого, образуя таким способом новую гармонию.

Найденная «сердцевина» в лице Розанова, по словам героя, не дала ему «полного снадобья от нравственных немощей», но спасла «честь и дыхание (ни больше, ни меньше: честь и дыхание)».

Чего не дал Розанов герою, и чему последний у него научился? Ответить на этот вопрос значило бы ответить на вопрос, с чем остался герой В. Ерофеева в итоге всех своих исканий, споров и размышлений.

Не получив «полного снадобья от нравственных немощей», герой не уподобился Розанову, то есть не превратился сам в абсолют, свободный от «нравственных немощей». Он не перестал принадлежать э т о м у миру, но с этого момента ему больше не грозит раствориться в нем, смешаться с его сумбуrom и хаосом. Абсолют свят, он находится вне нравственности; герой продолжает быть в мире, для которого нравственные категории не утратили своего значения, в мире *неабсолютном*. Но теперь герой живет в виду той «сердцевины», которая спасла ему «честь и дыхание».

Подведем итоги сказанному. Как показал проделанный анализ логики сюжетно-смыслового развития «Василия Розанова...», эта логика может быть представлена следующим образом. Развитие сюжета начинается в тот момент, когда мир, в котором

существует и с которым вынужденно взаимодействует герой, представляет собой «погруженный во тьму и отвергнутый Богом» хаос, в котором каждое событие и действие немедленно дублируется и таким образом уничтожается в своей уникальной значимости. В этом мире все смешано, неопределенно, смутно, все вывернуто наизнанку, искажено до неузнаваемости. Встреча с Розановым оказывается вместе с тем началом выстраивания нового порядка – нового, потому что речь идет не просто об упорядочении дисгармоничного горизонтального мира соприродными ему средствами, а о построении порядка принципиально нового типа – по вертикали «человек – Творец». Для вертикального упорядочения не нужно принимать в расчет законы и логику э т о г о мира – напротив, оно рассекает э т о т мир пополам, кажется изнутри него гримасой и чудачеством, но вместе с тем именно оно касается сути. Соприкоснувшись с Розановым и представляемым им смыслом вещей, герой упорядочивает мир вокруг себя и строит новые отношения с ним. Это упорядочение начинается с выстраивания системы бинарных оппозиций (я, мы–они), которые становятся все более сложными с точки зрения своей внутренней содержательной структуры, и из элементарных горизонтальных оппозиций превращаются в оппозиции, выстроенные по вертикальному принципу.

В дальнейшем необходимость в оппозициях отпадает, и от разделения мира герой переходит к синтезу, основанием для которого становится обретенная в лице Розанова сердцевина э т о г о мира, являющаяся в то же время той точкой, где соединяются горизонталь и вертикаль. Обретение этой сердцевины является главным итогом встречи героя с Розановым, а сама обретенная сердцевина не освободила его от необходимости быть в э т о м мире, но спасла ему «честь и дыхание».

Рассыпавшийся, случайный и «отвергнутый Богом» мир в итоге всех поисков, сомнений и страданий героя В. Ерофеева становится миром диалога и гармонии.

Библиографический список

1. Ерофеев В.В. Оставьте мою душу в покое: Почти всё. М.: Изд-во АО «Х.Г.С.», 1997.
2. Курганов Е. Венидикт Ерофеев и Василий Розанов. URL: <http://old.russ.ru/journal/culture/98-11-11/kurgan.htm>.
3. Моисеева В.Г. Венидикт Ерофеев о Василии Розанове (эссе В. Ерофеева «Василий Розанов глазами эксцентрика» // *Stephanos*. 2014. № 3. С. 178–187.

References

1. Erofeev V.V. *Ostav'te moi dushu v pokoe: Pochti vse* [Leave my soul in peace: Mostly everything]. M.: Izd-vo AO «Kh.G.S.», 1997 [in Russian].
2. Kurganov E. Venedikt Erofeev and Vasily Rozanov. Retrieved from: <http://old.russ.ru/journal/culture/98-11-11/kurgan.htm> [in Russian].
3. Moiseeva V.G. Venedikt Erofeev o Vasilii Rozanove (esse V. Erofeeva «Vasilii Rozanov glazami ekstsentrika») [Venedikt Erofeev about Vasily Rozanov (essay of V. Erofeev «Vasily Rozanov by the eyes of an eccentric»)]. *Stephanos*, 2014, no. 3, p. 178–187 [in Russian].

*M.A. Perepelkin**

«ECCENTRIC» EROFEEV («PROSE FROM THE JOURNAL “VECHE”»)

In the article the analysis of the system of ideas and motives of the essay by Venedikt Erofeev “Vasily Rozanov by the eyes of an eccentric” («Prose for the journal “Veche”») which is based on the search by the author and the hero of the center (“core”) in the world, negated by the God is carried out.

Key words: Venedikt Erofeev, Vasily Rozanov, essay, metaphysics, narrative and semantic structure.

Статья поступила в редакцию 15/XII/2015.

The article received 15/XII/2015.

* *Perepelkin Mikhail Anatolievich* (mperepelkin@mail.ru), Department of Russian and Foreign Literature and Public Relations, Samara University, 34, Moskovskoye Shosse, Samara, 443086, Russian Federation.